Исполненіе ученія только въ безостановочномъ движеніи—въ постигновеніи все высшей и высшей истины, и все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ осуществленіи ея въ себѣ все бо́льшей и бо́льшей любовью, а внѣ себя все бо́льшимъ и бо́льшимъ осуществленіемъ Царства Божія.

Очевидно, что явившееся среди еврейскаго и языческаго міра, ученіе это не могло быть приняго большинствомъ людей, жившихъ совершенно иною жизнью, чѣмъ та, которой требовало это ученіе; и что даже тѣми, которыми оно было принято, оно, какъ совершенно противоположное всѣмъ прежнимъ взглядамъ, не могло быть понято во всемъ его значеніи.

Только рядомъ недоразумѣній, ошибокъ, одностороннихъ разъясненій, исправляемыхъ и дополняемыхъ поколѣніями людей, смыслъ христіанскаго ученія все болѣе и болѣе уяснялся людямъ. Совершалось воздѣйствіе христіанскаго міросозерцанія на еврейское и языческое, и языческаго и еврейскаго на христіанское. И христіанское, какъ живое, все болѣе и болѣе проникало отживающее еврейское и языческое и выступало все яснѣе и яснѣе, освобождаясь отъ накладываемыхъ на него ложныхъ примѣсей. Люди все дальше и дальше постигали смыслъ христіанства, и болѣе и болѣе осуществляли его въ жизни.

Чѣмъ дальше жило человѣчество, тѣмъ болѣе и болѣе уяснялся ему смыслъ христіанства, какъ это не могло и не можетъ быть иначе со всякимъ ученіемъ о жизни. Послѣдующія поколѣнія исправляли ошибки предшественниковъ и все болѣе и болѣе приближались къ пониманію истиннаго его смысла

Такъ это было съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. И вотъ тутъ-то, съ самыхъ первыхъ временъ его, появились люди, начавшіе утверждать про себя, что тотъ смыслъ, который они придаютъ ученію, есть единый истинный, и что доказательствомъ этого служатъ сверхъестественныя явленія, подтверждающія справедливость ихъ пониманія.

Это-то и было главной причиной сначала непониманія ученія, а потомъ и полнаго извращенія ученія.

Предполагалось, что ученіе Христа передается людямъ, не какъ всякая другая истина, а особеннымъ, сверхъестественнымъ способомъ, такъ что истинность пониманія ученія доказывается не соотвѣтственностью передаваемаго съ требованіями разума и всей природы человѣка, а чудесностью передачи, служащей непререкаемымъ доказательствомъ истинности пониманія. Возникло это предположеніе изъ непониманія, и послѣдствіемъ его была невозможность пониманія.

Началось это съ самыхъ первыхъ временъ, когда такъ неполно еще и часто превратно понималось ученіе, какъ мы видимъ это по Евангеліямъ и Дѣяніямъ. Чѣмъ менѣе было понято ученіе, тѣмъ оно представлялось темнѣе, и тѣмъ нужнѣе были внѣшнія доказательства его истинности. Положеніе о томъ, чтобы не дѣлать другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, не нужно было доказывать чудесами, и положенію этому не нужно было требовать вѣры, потому что положеніе это само по себѣ убѣдительно, соотвѣтствуя и разуму и природѣ человѣка; но положеніе о томъ, что Христосъ былъ Богъ, надо было доказывать чудесами совершенно непонятными.

Чѣмъ было темнѣе пониманіе ученія Христа, тѣмъ болѣе примѣшивалось къ нему чудеснаго; а чѣмъ болѣе примѣшивалось чудеснаго, тѣмъ болѣе ученіе отклонялось отъ своего смысла и становилось темнѣе; а чѣмъ болѣе оно отклонялось отъ своего смысла и становилось темнѣе, тѣмъ сильнѣе надо было утверждать свою непогрѣшимость, и тѣмъ менѣе ученіе становилось понятно.

Съ самыхъ первыхъ временъ по Евангеліямъ, Дѣяніямъ, Посланіямъ можно видѣть, какимъ образомъ непониманіе ученія вызывало необходимость доказательствъ черезъ чудесное и непонятное.

Началось это, по книгѣ Дѣяній, съ того собранія, на которомъ сошлись ученики въ Іерусалимѣ для разрѣшенія возникшаго вопроса о крещеніи или некрещеніи необрѣзанныхъ и о ѣдящихъ идоложертвенное.

Самая постановка вопроса показывала, что обсуждавшіе его не понимали ученія Христа — отвергающаго всѣ внѣшніе обряды: — омовенія, очищенія, посты, субботы. Прямо сказано: «сквернитъ не то, что въ уста входитъ, а то, что исходитъ изъ сердца», и потому вопросъ о крещеніи необрѣзанныхъ могъ возникнуть только среди людей, любившихъ учителя, смутно чуявшихъ величіе его ученія, но еще очень неясно понимавшихъ самое ученіе. Такъ оно и было.

Насколько члены собранія не понимали ученія, настолько понадобилось имъ внѣшнее подтвержденіе своего неполнаго пониманія. И вотъ для рѣшенія вопроса, самая постановка котораго показываетъ непониманіе ученія, были произнесены на этомъ собраніи, какъ это описываетъ книга Дѣяній, въ первый разъ долженствовавшія внѣшнимъ образомъ утвердить справедливость извѣстныхъ утвержденій, эти страшныя, надѣлавшія столько зла, слова: «угодно Святому Духу и намъ», т. е. утверждалось, что справедливость того, что они постановили, засвидѣтельствована чудеснымъ участіемъ въ этомъ рѣшеніи Святаго Духа, т. е. Бога. Но утвержденіе о томъ, что Святой Духъ, т. е. Богъ говорилъ черезъ апостоловъ, опять надо было доказать. И вотъ понадобилось для этого